

Я так и не поняла, почему старый учитель назвал меня Сирином, но мама просто взбеленилась.

- Ее зовут Майрика! Майрика Рой! Какой вы учитель, если даже этого не запомнили?

Она снова вцепилась в мою руку и рывками вытащила на улицу. До дома мы добились в гнетущем молчании. Мама цокала каблуками высоких сапог по асфальту и изредка оглядывалась проследить, иду ли я вслед за ней. Из-под маминого светло-серого пальто виднелась кружевная юбка с цветочным узором на боку. Довольно легкомысленная деталь одежды, не подходящая к офисному дресс-коду на ее работе. Вот и тонкие пепельные волосы свободно струились по плечам до лопаток. На работу же она собирала их в строгий пучок на затылке. Мама точно успела зайти домой и переодеться прежде, чем идти за мной в клуб.

Мама любила принаряжаться и пользовалась отдушками фирмы Патараки сверх меры, так что я совершенно не помнила, какой ее запах является настоящим. Ей даже строгость дресс-кода не мешала расстегнуть несколько лишних пуговиц на вороте или же надеть юбку с длинным разрезом сзади. Все для того, чтобы всегда быть во всеоружии и привлечь внимание мужчины мечты. Богатого мужчины.

Дома в отсутствии посторонних мама уже не настолько тщательно следила за внешним видом, поэтому могла расслабленно валяться на диване со встрепанными волосами в стареньком халате, поедая шоколадные конфеты прямо из коробки. Мама не толстела. Сколько бы сладкого ни ела, всегда оставалась стройной. В этом я пошла в нее.

В остальном же мы отличались друг от друга, как черное и белое. Удлиненный овал лица, острый нос, узкие губы, высокий рост – вот характерные, сразу бросающиеся в глаза особенности маминой внешности, и все полная противоположность моей. Честно говоря, я бы не отказалась стать повыше. Эйдану я с трудом доставала до плеча с его ростом в метр девяносто. Ему с высоты, наверно, и не видно такую букашку, как я.

Задумавшись, я запнулась и чуть отстала, чем заработала недовольный взгляд матери, повернувшейся в очередной раз.

“И все-таки, как она узнала про “Канарейку”? – подумала я, на мгновение встретившись с ней взглядом. – Я же никому не говорила. И в школе не знают”.

Можно было спросить об этом, но я не решилась. Не сейчас. Потом обязательно узнаю.

Так в затянувшемся молчании мы и дошли до дома. В прихожей мама повесила пальто на вешалку, выкинула сумочку в угол и, скинув сапоги, прошла к себе в комнату. Я стояла потерянная и не знала, оставить ли все, как есть, поплакать или броситься следом, чтобы вымалывать разрешение на уроки пения с Динардом.

- Чего стоишь? – мама выглянула. – Ужин иди готовь. И в комнате своей приберись, а то

развела бардак!

Я кивнула, не удивившись последнему требованию. Какой бы идеальной ни была чистота, мама всегда находила к чему придраться. Я сняла верхнюю одежду, но вместо того, чтобы сразу идти к себе, заглянула на кухню, вытащила из морозилки нарезанную крупными кусками рыбу и поставила в теплое место размораживаться. Машинально собрала со стола конфетные обертки, узорную салфеточку из-под пирожного-картошки, смяла и выкинула в мусорное ведро. Мама не утруждалась уборкой. Выпив чая со сладким, она не то, что кружку не помыла, даже фантики не выбросила.

Вздыхнув, я закрыла дверцу шкафчика под раковиной и, выпрямляясь, вдруг осознала, что ведро забито мусором под завязку. Но такого просто не могло быть, потому что я выносила мусор и вчера вечером, и сегодня утром перед уходом в школу. Я снова распахнула дверцу и наклонилась, внимательно разглядывая содержимое мусорного ведра. Мама, конечно, могла затеять уборку и выбросить ненужные ей документы, журналы, какие-нибудь вырезки, но верилось в это с трудом. Обрывки бумаги, смятые надорванные тетради – вот, что лежало там вперемежку с кожурой от бананов и старой заваркой. Сверху еще и полито, как нарочно, чем-то липким.

Внутри все похолодело, когда на верхнем клочке бумаги я разобрала собственный подчерк. Я узнала и цветочные букеты, и мордочку пушистого спящего котенка, изображенные на обложках, выглядывающих из общей кучи, тетрадей.

Мое! Все, что ни выбросили, это все принадлежало мне!

Я опустилась на пол и как во сне, вытащив следующий обрывок, прочитала строчки песни, написанные накануне. Как же так? Мама выкинула черновики и чистовики моих песен? Как она могла? Настолько сильно ненавидит все, что может напомнить Ядила? Или же настолько сильно ненавидит меня? Ну да, я ведь тоже напоминание о самой большой неудаче в ее жизни. Теперь ясно, как она узнала про обучение в клубе “Канарейка”. В одну из тетрадей я записывала расписание занятий и упражнения, рекомендованные Динардом.

В голове зашумело. Я подскочила и бросилась в свою комнату. Как там мама выразилась? Бордель? Что же она там устроила? Неужели перерыла всю комнату? Зачем вообще надумала копаться в моих вещах? Или делала это всегда? Почему раньше я этого не замечала? Я неожиданно вспомнила, что оставила утром на столе рабочую тетрадь с новыми песнями. Опаздывала, вот и забыла припрятать в нижний ящик письменного стола. Может, именно эта тетрадь спровоцировала маму?

Не смотря на то, что комната у меня маленькая с одним окном, выходящим во внутренний дворик, в ней всегда светло и уютно. Немалую роль в этом играет теплота цветов мебели, да и всех окружающих предметов вплоть до бежево-золотистых обоев и штор. Стол я поставила прямо у окна, но боком к нему, потому что стой он в другом положении, мне было бы неприятно сидеть спиной к открытому проему дверей. Окно и дверь располагались друг

напротив друга. Я, конечно, иногда запиралась, но чаще всего оставляла комнату открытой, потому что маме так больше нравилось. Еще в моей комнате приютились встроенный шкаф с зеркальной дверцей и диван-кровать. Больше там вряд ли что могло поместиться, кроме какой-нибудь узкой тумбочки или навесных полок. Когда-то на столе стоял компьютер, теперь лишь яркий квадратик, не успевших выгореть на солнце, обоев напоминал об этом.

Сегодня в комнате царил настоящий погром. Даже общая атмосфера из-за крупных комьев разодранных смятых бумаг и тетрадей, разбросанных по полу книг, карандашей, сваленной в неопрятные кучи одежды казалась мрачной. Мама постаралась на славу. Настолько разозлилась, что и здесь полила пол чем-то липким. Я почувствовала ногами нечто похожее на подсолнечное масло, лишь прошла вглубь комнаты. Хорошо хоть не поскользнулась и не упала. Я судорожно вздохнула и поняла, что рыдания рвутся наружу.

Неудачный день. Совершенно неудачный день. Казалось все светлое и радостное в жизни неумолимо рушится, подобно карточному домику. Впрочем, такое состояние мне было не в новинку.

В коридоре послышался хлопок двери и сразу за ним – шаги. Я повернулась, чтобы увидеть, как мама замерла на пороге, разглядывая со смесью брезгливости и удовлетворения на лице мою комнату. Мама оперлась на косяк и сложила руки на груди.

– Значит так, – холодно произнесла она, – с этого дня будешь отчитываться за каждый час. Сколько уроков, когда начнутся и закончатся, когда придешь домой и есть ли дополнительные занятия. А чтобы обманывать неповадно было, проверять буду. Коммуникатор директора и вашей классной у меня есть. Еще день-два и будут коммы других ваших учителей. Уяснила?

Я кивнула, сглатывая комок в горле. Какое там возражать! Я едва сдерживалась, чтобы позорно не разрыдаться!

– И не думай, что поленюсь проверить! – рявкнула мама. – На крайний случай могу на сайт вашего класса заглянуть и расписание изучить.

Какое-то время она сверлила меня тяжелым взглядом, потом оттолкнулась от косяка и ушла в направлении ванной комнаты, бросив напоследок:

– Про ужин не забудь! И мусор выкинь, не откладывай.

Лишь только я уловила, как с тихим шорохом закрылась за мамой дверь ванной, как тут же заперлась, разревелась, уткнувшись лицом в ладони, и сползла на пол. Предавалась отчаянию я недолго, в мозгу вспышкой пронеслось воспоминание о мусоре. Если мама про него напомнила, значит проверит. А выносить и выкидывать важные для меня бумаги под ее неусыпным наблюдением меньшее, чего хотелось бы. Я только некоторые песни помнила наизусть, значит остальное придется восстанавливать по порванным клочкам. Пока мама принимала душ, я собрала в большой мешок мусор, наспех отделив от него лишнее, и запихала в шкаф. Накидала сверху колготки, свитера и хорошенько все утрамбовала, устроив

импровизированный временный тайник. Потом найду место лучше. Спрячу так, что никто и никогда не найдет!

Затем я принялась за приготовление ужина. К появлению свеженькой благоухающей персиковым ароматом шампуня мамы все было готово. На столе я аккуратно расставила тарелки с рыбой и овощным рагу, постелила салфетки. После ужина я убралась на кухне, навела относительный порядок в своей комнате и помыла полы. Обычно влажной уборкой я занималась по выходным, но мне пришлось перенести ее на сегодня, потому что подсолнечное масло из моей комнаты, мы успели разнести по коридору. На уроки сил уже не хватило. Я как подкошенная рухнула на кровать и мгновенно уснула, думая о том, что следовало бы пойти и почистить зубы.

К утру у меня опухли глаза. Всегда ненавидела эту свою особенность – стоит чуть-чуть поплакать, и глаза уже опухают. Не самый красивый вид, если глаз не видно под набухшими веками. Вот когда можно порадоваться большим очкам.

“Ну и хорошо, что очки, - в который раз подумала я, разглядывая себя в зеркале перед выходом в школу. – Зато ничего не видно”.

Честно сказать, я в любой момент могла снять очки, ведь маме сложно контролировать, ношу я их вне дома или нет. Но я настолько стеснялась своего внешнего вида, что просто боялась смотреть людям в глаза. А очки создавали некую защиту. За толстой оправой легко было прятаться.

Так потянулись обычные серые будни. Я ходила в школу, убиралась в квартире, готовила еду, усиленно учила уроки до поздней ночи. И каждое утро оставляла для мамы поминутное расписание на день. Я стала напоминать себе зомби из ужастиков, машинку без мозгов, которая действует по заведенной схеме. Уроки пения остались в прошлом, счастливым воспоминанием о том, что когда-то существовали моменты, в которые я жила полной жизнью.

Я пыталась встретиться с Динардом два раза, выкраивала время и бегом мчалась в клуб. Но оба раза я его не застала. А в третий раз, когда позвонила по коммуну, мне сообщили, что Динард Нар у них больше не работает. Я испугалась, что это вина мамы. Но по зрелому размышлению пришла к выводу: она не настолько всемогуща, чтобы из-за нее с работы уволили хорошего специалиста. Скорее всего, Динард ушел сам. Может быть, нашел место лучше или решил отдохнуть.

Последний год средней школы я закончила на отлично и получила красный аттестат об окончании обязательного образования. Изучая в зеркале бледное, осунувшееся лицо в очках я поняла, что стала совершенным ботаником, которому на первый взгляд не интересно ничего, кроме учебы. Ну и ладно, не велика важность.

Летом у мамы появился новый ухажер – Скендер Рил. Плотный представительный мужчина с седыми висками и собственной фармацевтической компанией. Последнее больше всего красило его в маминых глазах. Скендер мне понравился серьезностью и тем, что никогда

не позволял себе скабрёзных шуточек в мой адрес. Иногда он даже защищал меня перед мамой.

Мама перестала контролировать мое время, и я смогла вздохнуть свободно. Не смотря на это, меня ничего не радовало. Да и писать я не могла. Я восстановила песни – переписала их украдкой в новые тетради и припрятала в тайник за шкафом. Но создавать что-то новое меня не тянуло. Я чувствовала такое опустошение, что впору было быть от бессилия. Ещё меня все время манил вид кровати, и я с удовольствием много и долго спала, благо наступили летние каникулы.

После знакомства со Скендером мама вдруг стала очень заботливой. Мыслимое ли дело – каждый вечер перед сном она приносила мне стакан горячего молока с медом и собственноручно поила. Может, заглаживала таким образом вину? Кто знает. Мне было настолько все равно, что я даже не удивлялась. Я хотела только спать. Заснуть вечным сном и не просыпаться. Скендер предложил мне поработать в одной из его фирменных аптек, чтобы немного взбодриться и заработать денег на личные нужды. Я согласилась, но зарплату отдавала маме по ее требованию, о чем Скендер и не подозревал.

За работой время пролетело быстро, и наступил сентябрь. Начался новый учебный год. Я перешла в первый класс старшей школы, но не ощущала никакого волнения в отличие от ребят, кучкующихся первого сентября возле информатория. Информаторий – прозрачная пленка в полпальца толщиной между двумя серебристыми опорами в школьном дворе. На этой пленке обычно выводили в электронном виде важную информацию. Там так же можно было узнать расписание уроков, нажав пальцем на мигающий квадратик внизу. Но этой функцией никто не пользовался. Проще было скачать расписание с сайта на персональный комм.

Перед началом линейки все толпились перед информаторием, изучая списки учеников по классам. Дело в том, что в начале первого года средней и старшей школы классы формировали по-новому, так что каждый раз это вызывало бурный ажиотаж в среде учащихся. Ведь очень интересно знать, с кем предстоит учиться вместе, и попадут ли друзья в одну с тобой группу. А вдруг сказочно повезет и в твоём классе окажется кто-нибудь из популярных парней или девчонок?

Заходя с утра на школьный двор, я не сомневалась, все девчонки ищут имя Эйдана Ская, выясняя, кому подфартило на ближайшие три года. На первом году средней школы я точно так же искала его имя и в тайне надеялась, что он попал в один класс со мной, и, может быть, я смогу каждый новый день любоваться его профилем за соседней партой или хотя бы через несколько парт. Когда толпа учеников схлынула, я спокойно нашла свое имя в списке группы 3-12 и изучила расписание на день. Последнего я могла не делать, потому что из года в год это были линейка и классный час. На другие фамилии я даже не взглянула. Сказалась общая апатия последних месяцев.

Наша школа средненькая, как по общему внешнему виду, так и по уровню образования. Трехэтажное серое здание школы расположилось в закутке между современными стильными многоэтажками. Со стороны дороги и не видно, где она там находится. Вокруг школы несколько лет назад разбили небольшой парк с пышными кустами красных элгусов, жасмина и одной единственной главной аллеей. Деревья тоже посадили. Среди них оказалось много

дешевых сортов северных гигантов с толстой шершавой корой, которые за три-четыре года вымахали так, как другие не смогли бы и за десятилетия. За пышными зелеными кронами школа совсем затерялась.

Каждую весну садовник высаживал вдоль дорожек и в длинных парковых клумбах цветы самых разных оттенков. Старик не обладал тонким художественным вкусом, поэтому осенью учеников встречало настоящее буйство красок, от которого рябило в глазах. Более того, в воздухе стоял тяжелый аромат смешанных запахов. Иногда от него меня подташнивало. И как только можно, настолько безответственно относиться к сочетаниям? Ну не специалист, но хотя бы чуть-чуть ведь можно соответствовать? Нельзя же в суп класть и соль, и сахар одновременно! Существовало целое искусство, завязанное на цветочных ароматах. Им занимались искусники, которые подбирали и выстраивали самые тонкие, самые изысканные сочетания в Садах Ароматов. Я в таких ни разу не была, но не отказалась бы посетить.

В общем, как мне казалось, высокие, пышные деревья и цветы вкупе с тяжелой артиллерией запахов по задумке руководства отвлекали внимание от покоцанного фасада давно не ремонтировавшейся школы. Вот я и говорю – средненькая, для ятамаров и наунмаров среднего и низкого достатка. Ни в какое сравнение не идет с элитной школой через дорогу. Элитная – выше, изящнее, серебристо-белого цвета, да и дизайн здания выполнен с применением новейших технологий. В элитке среди учеников даже пятерка Чистых затесалась. А ведь они обычно предпочитают закрытые заведения для таких же, как они сами.

В этом году садовник не изменил своей привычке, поэтому очень скоро я зажимала нос ладонью. Вот они – недостатки в подарок от звериной ипостаси – сильная чувствительность к запахам. С другой стороны, для поиска второй половинки это наоборот плюс.

Линейка проходила во дворе перед входом в школу. Утро выдалось прохладным, поэтому некоторые учащиеся зябко кутались в кофты. Я практически засыпала, продолжая прикрывать нос и подставив лицо выглянувшему из-за облаков солнцу, вполуха слушала при этом вступительную речь директора. Ладно хоть не уснула окончательно к тому времени, как выступление закончилось, и ученики поспешили разойтись. В кабинете, отведенном для группы 3-12, я по привычке уселась за последнюю парту в среднем ряду и опустила голову на руки. Спать хотелось до жути. И я действительно заснула. Во сне мне казалось, что по кабинету носятся одноклассницы с радостным повизгиванием:

– Эйдан! Эйдан!

“Гоняют они его, что ли?” – пронеслась в голове забавная мысль, и я хихикнула, в красках представив подобную картину.

Разбудил меня грохот отодвигаемых стульев, и я подскочила, догадавшись спросонок, что одноклассники приветствуют учителя.

– Здравствуйте, котятки, – послышался сухой трескучий голос.

В нем я узнала Инолину Лер и мысленно застонала, окончательно проснувшись и уставившись на высокую худющую, словно палка, женщину в синем строгом платье. Учительницу Инолину никто не любил, слишком много в ней было желчи и какой-то нарочитой слащавости. Ее даже учителя не жаловали. И эти ее обращения – котятки, рыбоньки, зайчики – не одну меня заставляли скрипеть зубами.

– Я ваш куратор, зайчики. На все три года старшей школы, – губы учительницы растянулись в сладкой улыбке, в то время как глаза продолжали излучать холод.

– Повезло, ничего не скажешь, – пробормотали сбоку.

Я повернулась и увидела светловолосую девушку, успевшую во время моей дремы занять место рядом. Удивительно. Неужели остальные места оказались заняты? Я окинула класс быстрым взглядом и поразилась количеству учеников. Я насчитала порядка тридцати человек, что представлялось и вовсе невозможным. Классы из года в год формировали по двадцать человек максимум, так что тридцать это что-то из области фантастики. Девочек было больше мальчиков. И этот факт породил в голове смутную догадку.

Соседка тем временем буравила Инолину Лер глазами так, словно хотела просверлить дырку, и кусала губы.

– Что ж, за все хорошее надо платить! – хмыкнула она и посмотрела на меня. – Согласна?

– Хорошее? – переспросила я, и догадка оформилась в уверенность.

Девушка наклонилась близко-близко к моему уху и горячим шепотом выдохнула:

– За Эйдана!

Я аж дернулась, с таким придыханием это было сказано.

– Эйдан?

– Списки не смотрела? Ну ты даешь!

“Эйдан попал в один класс со мной”, – подумала я, но не почувствовала никакой радости. Мне показалось странным такое отупение чувств, однако я не придавала этому особого значения. Расстроена, не выпалась, какое уж тут веселье. Вот буду видеть его каждый день, тогда и настроение поднимется. Может, и общаться получится.

– Губу раскатала? – понимающе усмехнулась соседка.

Я промолчала.

- Я буду вести у вас всеобщий теарский и соланийский языки, - тем временем продолжала Инолина Лер. - Так же каждый день по утрам, рыбоньки, до начала уроков минут пятнадцать я буду с вами общаться. Попрошу не опаздывать и приходить не к восьми часам, а к половине восьмого. Все понятно?

Что подразумевалось под учительским "общаться", никто не понял, но, судя по дружному тягостному вздоху, все догадались, что ничего хорошего. Я впервые слышала, чтобы куратор захотел выделить время под общение на каждый день, другие просто проводили классные часы по мере необходимости.

- Все понятно? - повторила Инолина, растягивая губы в еще более широкой улыбке.

- Да, - нестройным хором ответили мы.

- Хорошо, зайчики. Теперь можно садиться!

Загремели стулья, зашуршали доставаемые тетради, пикнули в разных углах приготовленные к работе коммы. Я вновь пробежалась глазами по ребятам и не увидела Эйдана. Он опаздывает?

- Я Элегель, - шепнула соседка, усаживаясь на место. - И Эйдана я никому не отдам.

Она натянуто улыбалась, когда я недоуменно на нее уставилась. Это предупреждение что ли? С чего вдруг?

По виду Элегель была довольно милой: белокурые волосы, голубые глаза, опущенные длинными угольно-черными ресницами, матовая кожа нежного персикового оттенка и пухлые розовые губы бантиком. Как куколка, право слово. И наверняка не один час она простояла перед зеркалом, создавая примечательный кукольный образ. Все в идеальном порядке: румяна там, где требуется; едва заметная подводка для губ заходит за контуры, зрительно увеличивая объем; волосы уложены красивыми волнами вдоль плеч и зафиксированы лаком с блестками. Излишний порядок, я бы сказала. Все в ее облике будто кричало: "Я здесь! Я пришла завоевывать!" Поэтому мне Элегель казалась всего лишь симпатичной, а не красавицей, как, подозреваю, она мнила на свой счет.

- Я Майрика, - ответила я и не удержалась, чтобы добавить. - А Эйдан волен выбирать, кого хочет. И насколько я знаю, девушки у него все еще нет.

Соседка хихикнула, склонив белокурую головку к парте.

- Он моя истинная пара, я точно знаю. У нас и имена немного похожи!

– Знаешь, так каждая вторая в нашей школе считает, – ответила я. И откуда только взялась смелость огрызаться, сама себе удивилась.

– Я не каждая вторая! – Элегель яростно сверкнула в мою сторону глазами. – А тебе не помешали бы отдушки Патараки. От тебя запах неприятный, ты в курсе?

Ну начинается. И почему такие девушки, услышав правду, начинают оскорблять собеседника? От сомнений в себе? Вряд ли. Вон как намарафетилась, и уверенности выше крыши. Возможно, она из той группы навязчивых поклонниц Эйдана, которые не гнушались следить за ним после школы, провожая чуть ли не до дверей подъезда.

– Не-при-ят-ный! – по слогам повторила Элегель, наклонившись ближе. – Если не сказать хуже.

– Я слышала.

Вот заладила одно и то же! Считает, что я недостаточно остро отреагировала? Обойдется! Какое тут удовольствие, отвечать оскорблением на оскорбление, и вообще продолжать разговор, который, судя по всему, скоро перерастет в перепалку. И я внимательно прислушалась к словам учительницы, игнорируя недавнюю собеседницу.

Инолина Лер раскрыла журнал на столе.

– Итак, мои зайчики, будем знакомиться. Кто еще из вас не в курсе, представляюсь, – женщина взбила наманикюренными коготками жиденькие прядки волос, безуспешно пытаясь придать прическе пышность, и приложила руку к груди. – Ятамар Инолина Лер. Обращаться только уважительно – ята Лер!

Рядом зашипела сквозь зубы Элегель.

– Обращаться к ней, как к солнечной Лер? Зарвалась в конец, дура крашенная! Божество облезлое! Обычным “нерисс” обойдется!

С мнением соседки, хотя и не в таких красочных выражениях, я внутренне согласилась. Все-таки с приставкой “ята” раньше обращались к членам императорской семьи, которые были Чистыми из ятамаров. “Нерисс” же обычное вежливое обращение к любой незамужней женщине, “нера” соответственно – к замужней. У мужчин таких отличий не было – просто “нер” и все.

– Ята Лер. Все ясно? – уточнила учительница.

– Да, – ответили мы.

Судя по всему, остальным так же не понравилось необычное требование, поэтому наше “да” прозвучало тихо и разрозненно.

- Не слышу!

- Да! - громче ответили мы.

- Не слышу! - рявкнула Инолина.

- Да, ята Лер, - послышался одинокий голос того, кто догадался раньше других, к чему придралась учительница.

- Уже лучше, - Инолина позволила себе ехидную усмешку.

Вообще, можно было взбунтоваться, но женщина славилась настолько мерзким характером, что лучше было не связываться. А то получишь в идентификационную карту запись о профнепригодности или еще чего похлеще, попробуй потом поступить в хороший университет или найти высокооплачиваемую работу с такой-то отметкой. Одному выпускнику Инолина подгадила таким образом. И директор поддержал, хотя многие просили за ученика. А не могло быть иначе. Ходили слухи, что Инолина и директор Гриар Гун живут вместе.

- Да, ята Лер! - отрапортовали мы уже все вместе.

- Отлично, - учительница притянула к себе журнал. - Теперь с вами познакомимся.

Она начала вызывать каждого пофамильно и предлагала в нескольких словах рассказать о себе. Когда кто-то обходился только словом “ятамар” или “наунмар”, она принималась с пристрастием допрашивать о любимых предметах, привычках и так далее. У одного даже спросила, какие сны ему приснились ночью, слишком уж улыбается загадочно. У другого - что тот предпочитает на завтрак, ибо вид бледненький. Еще бы! Она допрашивала страдальца минут десять, не меньше. Я с ужасом ждала, когда очередь дойдет до меня.

Рядом Элегель совсем расшипелась.

- Вот стерва, - повторяла она раз за разом.

- Рой, Майрика, - Инолина добралась и до меня.

Ноги мгновенно ослабели, но, чуть помедлив, я все же поднялась и принялась рассказывать о себе:

- Наунмар. Четвертого апреля исполнилось шестнадцать. Нелюбимых предметов нет.

- По тебе видно, - заметила Инолина под хохоток класса.

Я закусила губы и через секунду, справившись с обидой, продолжила:

- Но из всех предметов предпочитаю музыку, литературу и историю.

- И твой запах... - растягивая слова, будто подсказывала мне следующее предложение, сказала Инолина.

Я задохнулась от возмущения. Я должна ей обо всех параметрах своего тела доложить? Какого размера грудь, талия и так далее? Класс затих, ожидая либо честного ответа, либо взрыва эмоций. А что, тоже удовольствие. Ведь плохо не тебе, а другому.

“Можете подойти и понюхать сами!” - мелькнула в голове мысль, и я чуть не высказала ее вслух, но меня очень вовремя прервали. Иначе не избежать мне большого позора. Разозлившись, Инолина нашла бы еще кучу на первый взгляд невинных вопросов, на которые стыдно отвечать.

Дверь распахнулась и в класс шагнул мой спаситель. Хотя я и не видела лица, но сразу поняла, что это Эйдан. Все девчонки как по команде ахнули. Еще бы! Дождались, наконец. Даже до моей последней парты донесся легкий запах моря и грейпфрутов. Голова закружилась от удовольствия, и я вцепилась пальцами в край столешницы. В груди поднялась приятная теплая волна и омыла с головы до ног.

Мы будем учиться вместе!

На Эйдане были черные джинсы и толстовка, капюшон которой он накинул на голову, вот почему я не увидела лица. Инолина сразу же отвлеклась на Эйдана. И по тому, какой хищный интерес вспыхнул в ее глазах, я поняла, что могу садиться. Она и не заметит. С каким-то затаенным предвкушением Инолина потребовала:

- Снимите капюшон!

- Началось, - сбоку вздохнула Элегель.

- В смысле? - присаживаясь, я невольно отреагировала на фразу девушки. А ведь не собиралась больше с ней болтать.

– Ты что, думаешь, Инолина просто так взялась вести этот класс? И просто так собралась с нами каждый день по утрам общаться? – Элегель снова вздохнула. И в этот момент как никогда походила на человека, а не на разодетую куклу, которая только и умеет, что подкалывать. – Из-за Эйдана все. В средней школе еще Инолина его доставала. Теперь и в старшей не отстанет. Традиция, все уже привыкли.

Эйдан тем временем поднял руки и без возражений откинул капюшон толстовки. Мне показалось, девочки в классе дружно задержали дыхание и выдохнули, стоило плотной трикотажной ткани упасть на плечи парня и открыть взору смуглое лицо с идеальными чертами. Ясные выразительные глаза небесного оттенка спокойно смотрели на учительницу, уголки твердо очерченных губ чуть приподнялись в едва заметной улыбке.

“Он ей еще и улыбается?” – внутри шевельнулась легкая досада.

Эйдан всегда отличался высоким ростом, но при этом не горбился, как некоторые парни – обладал безупречной осанкой. Ростом, спортивным сложением фигуры с подчеркнутой линией плеч и талии он отлично подходил для игры в баскетбол, и школьный тренер постоянно его агитировал на вступление в команду, расписывая радужные перспективы в дальнейшем по играм в сборной нашей страны, Солании. Но Эйдан отказывался.

Я могла ошибаться, но Эйдан подходил для спорта и по силе внутреннего зверя, не говоря уж о специализированных военных подразделениях. Наверняка в минуты сильного напряжения у него не только пробивались клыки, как у меня, но еще вытягивались зрачки и уши, отрастали когти, в разы повышалась выносливость. Хвост и шерсть, думаю, не появлялись, это скорее прерогатива Чистых.

Класс через мгновение после того, как Эйдан откинул капюшон, отмер, и понеслись девчоночки шепотки. Даже присутствие Инолины не уняло возбуждение девушек.

– Толстовку тоже сними, – нашлась самая смелая, и Эйдан, откинув упавшие на лоб непокорные светлые прядки, скользнул по одноклассницам взглядом.

В глазах парня я уловила усталость и еще непонятое мной чувство. Только теперь я заметила, что он выглядит сонным и немного встрепанным. Но это совершенно не портило его внешней привлекательности. Мне бы так!

– Найме Рир дежурство вне очереди в столовой! – резко отреагировала Инолина, безошибочно определив, кому принадлежит нахальная фраза. – Неделю с завтрашнего дня! Еще раз повторится, месяц будете чистить туалеты вместо уроков труда.

Учительница обратилась к Эйдану, вкрадчиво поинтересовавшись:

– Опаздываем, нер Скай? В чем причина?

- Как всегда, нерисс Лер, - Эйдан развел руками, насмешливо приподняв бровь.

Удивительно, но учительница не стала настаивать на ином обращении к себе, хотя совсем недавно требовательно добивалась этого от нас.

- Так в чем причина?

- Пробки на дорогах.

- Девочки? - высказала неожиданную для меня догадку Инолина. А я-то думала, Эйдан про реальные пробки говорит.

- Да, нерисс, - Эйдан сверкнул белозубой улыбкой. - Вы очень догадливы.

- У вас каждый день такие пробки, нер? Или только сегодня? Может, мне к вам домой по утрам заходить и будить пораньше? Глядишь, пробки не успеют образоваться.

Судя по выражению лица Инолины, она не преминет воспользоваться, если Эйдан даже шуточно согласится с ее предложением.

- Ночи я провожу не дома, нерисс Лер. Так что вынужден отказаться.

Парни хохотнули, а девчонки начали возмущаться. Им-то предположение о том, что Эйдан ночует вне дома, как раз не понравилось. Мне, честно говоря, тоже. Моя соседка Элегель победно ухмыльнулась и откинулась на спинку стула, сложив руки на груди. Я задумчиво на нее глянула. А она-то почему не злится?

- Со мной он, ясно? - сказала Элегель, поймав мой взгляд на себе.

- Врешь, - спокойно ответила я, хотя внутри все сжалось. А вдруг, правда?

- Да успокойся, - снизошла Элегель. - Работает он по ночам. Проводником экспедиций в вирте. А по утрам на уроках отсыпается, поэтому капюшон снимает только уроку к четвертому. Ну и еще во время перепалок с этой стервой Лер.

- Ему нравится, что ли? - удивилась я. - Капюшон же снять можно до встречи с Лер.

- Что ты хочешь, - Элегель с нежностью воззрилась на Эйдана. - Он на ходу спит, поэтому полнейший неадекват по утрам. Когда вспоминает, тогда снимает.

- Тихо! - учительница вдарила по столу. - Тишина в классе! Нер Скай, проходите, садитесь.

Пробираясь между рядами, Эйдан накинул капюшон толстовки обратно на голову. Свободных мест не было, поэтому он, на всякий случай осмотревшись, подошел к дальней стене возле окна, прислонился и закрыл глаза. Спать собрался. Я невольно улыбнулась. Низенькая плотная девушка, позади чьего стула Эйдан обосновался, вдруг подскочила и, тронув парня за рукав, предложила свое место. Она вспыхнула до корней волос, когда Эйдан удивленно на нее глянул.

- Вернись обратно, - негромко приказал он и снова закрыл глаза.

То, что Эйдан остался стоять, не укрылось от Инолины. Она задумчиво осмотрела класс, посчитала учеников и заглянула в классный журнал.

- Вас слишком много, - поджав губы, произнесла она.

- Девчонок много, - хмыкнул кто-то из парней.

- Должно быть семнадцать, не считая двоих новеньких, что еще не подошли, - продолжила учительница. - А ну-ка, лишние тринадцать, встали! И на выход! Пока я вас дежурством не наказала.

Тринадцать человек с хихоньками да хахоньками поднялись из-за парт. В основном это были девушки, но среди них затесалось двое парней. Мне почему-то стало стыдно. Хорошо, что Эйдан этого безобразия не видел, продолжая дремать возле стенки. Когда за лишними захлопнулись двери, началась суматоха. Одноклассники рассаживались по-новому, не смотря на рассерженное шипение Инолины. Элегель подорвалась быстрее всех и заняла место за первой партой напротив учительского стола. Я удивилась ее выбору, но вскоре поняла, почему она поступила именно так.

- Нер Скай, - громко позвала Инолина Лер. - Вы кажется запомнили, где ваше место! Прошу вас!

Эйдан вопреки ожиданиям не воспротивился, вернулся в начало класса и сел рядом с Элегель прямо напротив Инолины. Видимо, ему все это было не впервой, поэтому он тут же преклонил голову на парту, вернувшись к прерванному сну, а учительница едва сдержалась, чтобы не дотронуться до его выбившихся из-под капюшона светлых волос. Я успела заметить, как она отдернула руку.

- Продолжим знакомиться, - хриплым голосом сказала Инолина.

Но ее прервал стук распахнувшейся двери. На пороге возникла девушка с копной огненных волос и одетая, словно мальчишка.

- Я ваша новенькая! - весело воскликнула девушка, пожевала жвачку во рту и

представилась. – Тайрия Уна. Ятамар огня!

– Обалдеть, – присвистнул парень недалеко от меня.

Действительно было, чему поразиться! Если она упомянула огонь, значит в ней присутствовали зачатки магии. Не успели все отойти от удивительного появления новенькой, как в двери протиснулся толстячок-директор, а вслед за ним вошел парень в белой рубашке и идеально выглаженных серых брюках. Он обладал самой заурядной внешностью, однако заставил замереть всех ребят без исключения. В носу парня с обеих сторон виднелись круглые украшения с простеньким узором – фильтры. Это были фильтры! А фильтры в носу носили только Чистые. Для того, чтобы зверь не терял голову от запахов.

– Чистый! – простонал кто-то в установившейся гробовой тишине.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/23923/496246>